

КОГДА РОЗЫ ЦВЕТУТ НА ПЕПЛЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Диана Каюмова

18+

Диана Каюмова

Когда розы цветут на пепле

«Автор»

2026

Каюмова Д.

Когда розы цветут на пепле / Д. Каюмова — «Автор», 2026

2080 год. Мир, где власть безраздельно принадлежит мужчинам, а женщины живут под их неусыпным контролем. В этом жестоком, но до боли знакомом мире судьба сводит вместе Анну – хрупкую и преданную женщину, ставшую жертвой преследований своего бывшего мужа Ромы, и Михаила – сильного, решительного лидера, который не может остаться равнодушным к её страданиям. Видя, как Анна терпит избиения и отчаяние, Михаил принимает решение защитить её, вступая в смертельную схватку с Ромой. Эта война становится не только битвой за жизнь Анны, но и испытанием для неё самой. Сможет ли Анна, раздавленная страхом, довериться мужчине, чья сила пугает не меньше, чем угрозы врага? И сумеет ли Михаил, в котором борются защитник и собственник, по-настоящему освободить ту, кого он решил защищать? Эта история – о стойкости женской души, о силе любви, способной преодолеть любые преграды, и о том, что даже в самом тёмном мире есть место для света и спасения.

© Каюмова Д., 2026

© Автор, 2026

Диана Каюмова

Когда розы цветут на пепле

Пролог. Эпоха Протекторов

К середине XXI века мир будто сорвался в пропасть. Сначала — климатические катаклизмы: ураганы, засухи, наводнения — одно за другим, без передышки. Люди срывались с насиженных мест, тащили за собой жалкие узлы с пожитками, метались в поисках еды, глотали пыль на дорогах, забитых беженцами. Природные ресурсы таяли, как снег под палящим солнцем, — и вот уже границы превратились в линии фронта, а соседи стреляли друг в друга за последний бак горючего. А потом ударили пандемии — одна, вторая, третья... Будто сама планета решила почистить свои закрома. Треть населения — в могилах. Или просто исчезла без следа: кто-то сгинул в хаосе, кто-то растворился в толпе, потеряв имя и прошлое.

Государства рухнули — в один момент, как карточные домики от резкого вздоха. Никакой власти, никакой защиты. Выживал тот, кто умел бить первым, кто не дрожал над чужой жизнью. И на этой чёрной почве, среди пепла и обломков, проросли новые «лидеры». Не политики, не дипломаты — «Протекторы» и «Восстановители». Мужики с кулаками, будто выточенными из гранита, с глазами холодными, как зимний рассвет. Сила — железная, воля — калёная, жалости — ноль. Они не уговаривали — они диктовали. Ловили всеобщий страх, как паук ловит мошку в паутину, и шептали: «Мы дадим вам порядок. Мы дадим вам завтра». И люди хватались за эти слова, как за соломинку над бездной.

Под их рукой мир перестроился — быстро, жёстко, безжалостно. Мужчины с крепкими спинами и твёрдыми головами взялись за руины: чинили дороги, делили воду, следили, чтобы пайки выдавались по графику. Они заняли все кресла, все рычаги, все посты, где решалось — жить или умирать. А женщинам... женщинам предложили «защиту». Сладкое слово, липкое, как мёд. Только под этой защитой быстро проступила решётка. Оглянуться не успели — а уже всюду мужские глаза, мужские голоса, мужские правила.

К 2080-му мир застыл в жёстких патриархальных формах, будто отлитый из чугуна. Женщинам расписали роли — чётко, по пунктам: рожать, растить, обслуживать, лечить (но только под присмотром), творить (но без вольностей). Материнство — обязанность. Воспитание — долг. Сфера услуг — удел. И везде — надсмотр. Мужской взгляд, мужская рука на плече, мужской голос за спиной: «Так надо. Так правильно». Любое «я хочу» превращалось в «ты не имеешь права». Любое «почему» — в повод для наказания. Общество стало машиной: шестерни крутятся, клапаны щёлкают, механизмы щёлкают — гладко, ровно, без сбоев. Отклонился от схемы — заклинило. Заклинило — выбросили на свалку.

Страх вьёлся в кожу, стал вторым дыханием. Особенно у женщин. Свобода? Её заменили «безопасностью» — словом, которое звучало всё более мерзко с каждым днём. В этом новом мире, где всё было разложено по полочкам, а углы отутюжены до идеальной прямоты, милосердие встречалось реже, чем дождь в пустыне. Сочувствие пряталось по углам, боялось высунуться. А слабость... слабость была клеймом. Меткой обречённых. Кто показал слабость — тот уже не жилец.

Глава 1. Вкус надежды

Гул кафе — не музыка, не разговор, а просто шум. Он липнет к коже, как влажный воздух. Анна сидит у окна. Стекло холодное. Она прижимает к нему ладонь — пытается почувствовать хоть что-то.

2080-й год. Всё вокруг — металл и стекло. Небоскрёбы вонзаются в небо, рекламные щиты мигают без остановки, даже скамейки в парках — гладкие, блестящие, чужие. Воздух

пахнет озоном и пластиком. За окном осень. Деревья раскрашены в оранжевое и золотое, но это не настоящая осень. Будто кто-то разбросал конфетти и забыл убрать.

Анна проводит пальцем по краю кружки. Латте остыл. Карамельный привкус — единственное сладкое в её жизни. Она делает глоток — без удовольствия, по привычке.

В кафе почти нет женщин. Анна чувствует на себе взгляды: быстрые, оценивающие. Один скользнул по плечу, второй зацепился за волосы, третий задержался на руках. Она ёжится. Не от холода — от ощущения, что её измеряют, взвешивают, решают, достаточно ли она «правильная».

Дверь открывается. В зал входит мужчина. Высокий, плечистый, костюм сидит так, будто его вшили прямо в плечи. Под руку — женщина в красном.

— ...и я сказал ей, Вероника, что ей давно пора понять своё место, — голос низкий, властный, чуть громче, чем надо. — Эти глупые попытки изображать из себя нечто большее, чем она есть... Смешно.

Анна вздрагивает. Пальцы сжимают кружку. Пластик обжигает кожу, но боль привычная. Внутри всё сжимается. Она знает: он говорит для неё.

За соседним столиком — трое.

Михаил. Высокий, спортивный. Глаза карие, спокойные. Костюм сидит идеально. Он не кричит — его и так слушают.

Игорь. Коренастый, с короткой стрижкой. Взгляд насторожённый, как у бойца перед схваткой. Костюм скромнее, но в нём чувствуется сила.

Дмитрий. Стройный, с мягкими чертами лица. Глаза острые, умные. Говорит тихо, взвешенно.

Они переглядываются. Игорь поднимает бровь. Дмитрий качает головой. Оба молчат, но чувствуют: что-то меняется.

Рома (так его зовут свои) идёт к Анне. Походка уверенная, тяжёлая. Вероника достаёт телефон — ждёт кадра.

— Что ж ты, красавица, такая грустная? — его голос сочится фальшивой заботой. — Неужели никому не удаётся развеять твоё одиночество?

Он выхватывает её телефон. Ловко, привычно. Анна не сопротивляется. Знает: если дёрнешься — будет хуже.

— Посмотрим-ка, кто у нас тут в друзьях...

Михаил встаёт. Один взгляд на Игоря, на Дмитрия — короткий жест головой. Все трое поднимаются одновременно. Без слов.

Михаил выступает вперёд. Ростом выше Ромы, плечи шире. Встаёт между ним и Анной — стеной.

— Думаю, девушка не нуждается в вашем навязчивом внимании.

Голос спокойный, но в нём — звон стали. Игорь перехватывает телефон Вероники. Она и пискнуть не успевает.

Рома оборачивается. Самодовольство сползает с лица. Гнев — горячей волной.

— Чёрт возьми, что здесь происходит?! Верните мой телефон! Кто вы такие, чтобы влезать сюда?!

Вероника визжит:

— Он украл мой телефон! Это самоуправство!

Михаил делает шаг вперёд:

— Телефон принадлежит не вам, а вашей подруге. И он больше не станет инструментом для вашей игры. Ваше присутствие нарушает порядок. И приносит дискомфорт даме. — Кивает в сторону Анны. — Вас здесь не ждут. Предлагаю уйти.

Каждое слово — как гвоздь.

Рома пытается ухмыльнуться, но выходит криво:

— Ты не понимаешь, с кем разговариваешь? Я — Рома Ковалёв, и у меня...

Михаил выхватывает телефон Анны:

— Ваш статус здесь никого не интересует.

Телефон исчезает в кармане. Михаил берёт телефон Вероники, спокойно переламывает пополам. Пластмасса хрустит, экран трескается паутиной, осколки сыплются на пол.

— Теперь вы не сможете снимать. — Бросает обломки под ноги Веронике. — А вы, господин Ковалёв, больше не будете преследовать эту девушку. Хотите продолжать?

Рома взрывается. Обещания разобраться, угрозы, сжатые кулаки. Но Игорь и Дмитрий за спиной Михаила — стена. Трое против одного.

— Ты ещё пожалеешь об этом. Очень сильно пожалеешь!

Хватает Веронику за руку и выталкивает наружу.

Анна сидит, не дыша. Всё тело дрожит. Михаил протягивает ей свой телефон, диктует номер. Пальцы Анны механически забивают цифры.

— Если он снова появится или понадобится помощь — звони в любое время.

Голос тихий, почти нежный. Анна кивает. Внутри, где-то глубоко, вспыхивает крошечная искра. Надежда? Нет, не может быть. Она тут же задувает её привычным цинизмом: «Очередной тиран. Просто умеет маскироваться».

Михаил кивает своим. Они возвращаются за столик. Не смотрят на неё, не давят. Дают прийти в себя.

Подходит официантка Мария:

— Ваш счёт уже оплачен.

Ставит перед ней блюдо с мороженым: сливочный холод, ягодная кислинка. Анна ест медленно, маленькими кусочками. Напряжение отпускает плечи. Впервые за долгое время — хоть чуть-чуть.

Бросает последний взгляд на троих мужчин. Они беседуют, не глядя в её сторону. Время близится к трём.

Анна встаёт. Уходит.

За дверьми кафе Рома набирает номер:

— Найдите мне всё об этих троих. Каждую крупину, каждое слабое место. Особенно о Державине. Я хочу, чтобы он познал горечь сожаления. Пусть его любимая девица тоже познает последствия!

Анна идёт на работу — в пекарню. Ноги сами несут по знакомым улицам. Мегаполис гудит, неоновые огни режут глаза. Воздух тяжёлый, синтетический. Она почти бежит, боясь оглянуться.

Пекарня — старое здание из красного кирпича, уцелевшее среди стеклянных монстров. Здесь пахнет хлебом, ванилью, корицей. Как в детстве, которого у неё не было. Это её убежище.

Внутри — Эмир Камалов. Высокий, крепкий, с военной выправкой. Светлые волосы коротко стрижены, виски уже серебрятся. Тёмно-карие глаза смотрят ясно, пронизательно.

Эмир поднимает глаза от теста. Один взгляд — и он понимает: с ней что-то случилось.

— Анна, ты в порядке? Что-то произошло? Ты выглядишь неважно.

Она опускает сумку на стул. Дрожит. Но молчит. Не нужно слов. Эмир и так всё видит.

Глава 2. Цена послушания

Флэшбек. Квартира Анны и Ромы, несколько лет назад.

Она не хотела вспоминать. Но тело помнило всё — до мелочей. До скрипа половицы, до запаха перегара, до тяжести его руки на плече.

Тот вечер. Анна на кухне, моет посуду. Вода течёт, капли стучат по раковине — раз, два, три. Ритм, который можно считать, чтобы не сойти с ума.

Хлопок дверью — негромкий, но такой, что чашки в шкафу задребезжали. Она сразу поняла: Рома пришёл злой.

— Ты где была сегодня? — его голос из прихожей, даже пальто не снял.

— В пекарне. Ты же знаешь, — Анна не обернулась. Ошибка. Надо было смотреть ему в глаза, улыбаться, поддакивать.

— В пекарне? — шаги ближе, тяжёлые. — А я звонил. Ты не взяла трубку.

— Я забыла телефон...

Не договорила. Резкий рывок за плечо — почти вывих. Удар открытой ладонью в скулу. Голова мотнулась, во рту — металлический привкус.

— Не ври мне, сука.

Падение на пол. Тарелка, которую она мыла, разбилась — осколки впились в ладонь. Тонкая струйка крови потекла по коже. Боль от пореза — ничто по сравнению с тем, что началось потом.

Пнул в бок — раз, второй. Она свернулась калачиком, прикрыла голову руками. Он пнул по рукам — хрустнули пальцы. Крик вырвался сам собой, но она тут же зажала рот: знала, что крик бесит его ещё больше.

— Ты думаешь, ты имеешь право игнорировать меня? — наклонился, схватил за волосы, приподнял. — Ты — никто, поняла? Никто! Без меня ты сдохнешь на улице, как бездомная шавка.

Слёзы потекли по щекам, смешиваясь с кровью из разбитой губы. Он смотрел на её лицо — расквашенное, распухшее — и вдруг что-то изменилось в его глазах. Гнев не ушёл, но к нему примешалось что-то другое. Голодное. Грязное.

Разжал пальцы — она упала на спину. Он навалился сверху: жилистый, как стальной канат, мышцы перекачивались под кожей. Его сила давила, как пресс, не оставляя ни щели, ни шанса. Пахло от него перегаром и потом — тяжело, тошнотворно.

— Ты всё ещё моя жена, — прошептал у самого уха. — И будешь делать то, что я скажу.

Рванул халат — пуговицы разлетелись, ткань затрещала. Она попыталась оттолкнуть его, но куда там: предплечья, твёрдые, как дубовые ветки, прижали её к полу.

— Не надо, Рома, пожалуйста, — прошептала, не надеясь уже ни на что.

Удар лицом об пол — второй, третий. Губа разбилась окончательно, зуб зашатался.

— Заткнись, тварь.

Он сорвал с неё трусы. Она сжала ноги, но он раздвинул их коленом — грубо, оставляя синяки на внутренней стороне бёдер. Ощутила, как его пальцы, грубые, с обломанными ногтями, входят в неё — сухо, больно, без капли смазки.

— Влажная уже? — усмехнулся. — Видишь, сама хочешь.

Она не хотела. Хотела исчезнуть, умереть, провалиться сквозь пол. Но он уже расстегнул ширинку, и она почувствовала, как горячее, твёрдое входит в неё рывком, раздирая изнутри. Крик — не от удовольствия, от боли. Он зажал ей рот ладонью:

— Тише, соседи услышат.

Двигался внутри неё, тяжело, ритмично, как поршень. Ей казалось, что её разрывают на части. Каждый толчок отдавался в разбитых рёбрах, в переломанных пальцах, в голове, которая гудела от ударов. Она смотрела в потолок и считала секунды. Десять, двадцать, тридцать — сколько он выдержит?

Кончил быстро — минута, может, две. Слез с неё, тяжело дыша. Поправил штаны. Посмотрел на неё: голая, в крови, с разбитым лицом, с чужой спермой, текущей по ногам.

— Приберись, — сказал, как ни в чём не бывало. — И свари мне ужин. Картошку с мясом.

Она не ответила. Смотрела в потолок. Ничего не чувствовала. Только пустоту. Такую огромную, что в ней могло утонуть всё — и боль, и стыд, и даже ненависть.

Он ушёл в спальню, включил телевизор.

Анна лежала на полу ещё час. Потом медленно встала. Подошла к ванной, включила воду. Смотрела, как красная вода кружится в сливе. Долго стояла под душем, пока вода не стала прозрачной.

Достала аптечку. Обработала раны — спирт щипал, но она не вздрогнула. Перевязала пальцы. Надела толстый халат с длинными рукавами — чтобы не было видно синяков.

И пошла на кухню — чистить картошку.

— Рома, ужин будет через час, — сказала, проходя мимо спальни.

— Молодец, — бросил он, не отрываясь от экрана. — Я же говорил, ты у меня умница.

Она улыбнулась. Автоматически. Той улыбкой, которую он требовал.

И подумала: «Хоть бы ты сдох. Хоть бы ты сгорел в аду». Но вслух не сказала.

Глава 3. Эхо, которое не затихает

Запах хлеба. Давит. Обычно — утешение, а сейчас будто на горло давит. Смешивается с потом. И вкус во рту — металлический, противный. Анна тряхнула головой, пытаясь отогнать ощущение.

Застыла посреди кухни. Руки трясутся. Скалка в ладони — чуть не выскользнула.

— Чёрт... — перехватила, сжала. Вдох — короткий, рваный. Выдох — с хрипом. — Соберись, ну же...

Перед глазами — Рома. Его ухмылка. Глаза пустые, холодные. Вдруг — вспышка. Пол качнулся.

Квартира. Пол ледяной. Хруст — пальцы под ботинком. Голос: «Ты — никто». Боль. Темнота.

Моргнула. Пекарня. Эмир напротив. Смотрит. Ждёт.

— Ну? — Эмир чуть приподнял бровь. — Что стряслось?

Анна сглотнула. В горле — ком. Хотела сказать «всё нормально», но слова застряли.

— Эмир... — шёпот сорвался. — Он опять нашёл меня.

— Кто?

— Рома, — выдохнула. — Угрожал. Телефон отобрал. А потом... — запнулась, потерла лоб. — Потом какой-то мужик. Михаил. Вмешался. Сказал, что поможет. Записал мой номер. Я даже не успела... Господи, я даже не поняла, как это вышло.

Эмир слушал, не перебивая. Лицо спокойное, но желваки на скулах заиграли.

— Фамилия?

— Державин.

Эмир прищурился. Кивнул сам себе.

— Держал... — протянул. — Знакомое имя. Не из новостей. Из других мест. Там, где «Спектр» ведёт дела.

— Он просто вступился, — Анна провела рукой по лицу, смахнула что-то — то ли пот, то ли слезу. — Наверное.

— Просто? — Эмир усмехнулся. Усмешка вышла горькой. — В нашем мире «просто» не бывает. Особенно у таких. Державин — не добрый дядя. Он из тех, кто решает проблемы там, где закон бессилён. Но за это всегда платят. Вопрос — чем.

Отошёл к окну. Постучал пальцами по подоконнику — раз, два, три. Пауза. Ещё два удара. Потом вдруг резко сжал руку в кулак.

— Понимаешь, что это могло быть спланировано? — обернулся. — Что он знал, где ты будешь? Что появление в кафе — не случайность? Такие люди не ходят в обычные места просто так. Они приходят, когда им что-то нужно. Или когда их попросили.

Анна побледнела. Пальцы вцепились в фартук.

— Что мне делать? — голос дрогнул. — Я не... я не знаю, что делать.

— Будь осторожна, — Эмир подошёл ближе, положил руку на плечо. — Не доверяй сразу. Не бери подарки. Не давай номер — хотя он у него уже есть. И помни: сюда можешь прийти в любое время. Пекарня — не только работа. Пока я здесь, никто не войдёт без спроса.

Она кивнула. Знала, что он прав. Но где-то внутри — крошечный уголёк. Тот, что вспыхнул, когда Михаил встал между ней и Ромой.

«Может, он правда хотел помочь?» — мелькнуло в голове.

«А может, нет», — тут же подумала она. — «Или это какая-то игра? Но зачем?»

— Ладно, — Эмир хлопнул в ладоши. — Хватит. Тесто не ждёт. Давай, возьми себя в руки.

Анна взяла скалку. Пальцы всё ещё дрожали. Раз — раскатала. Два — перевернула. Ритм помогал. Раз-два, раз-два. Тесто поддавалось, становилось тонким. Боль отступала — не исчезала, а пряталась где-то глубоко.

В голове крутилось: Михаил. Его голос. Его руки, когда он переломил телефон. Взгляд — холодный, уверенный. Так смотрят те, кто знает, что делает. Или те, кому нечего терять.

«Кто ты?» — подумала она. — «Спаситель? Или новый тюремщик? А может, просто... ещё один хищник?»

Отогнала мысли. Сейчас — работа. Вечером — душ. И надежда, что никто не позвонит в дверь.

Закончив, вытерла руки о фартук. Бросила взгляд на лилии в банке у окна. Белые. Красивые. И такие чужие здесь.

— Цветы выкинь, — бросил Эмир, не оборачиваясь. — Или оставь. Дело твоё. Но помни: подарки от незнакомцев — как кандалы. Только красивые.

Анна не ответила. Подошла к окну. Смотрела на крыши, на небо, на шпили небоскрёбов. Где-то там, за ними, сидел Михаил. Строил планы. А она стояла здесь — с мукой на щеке и кучей вопросов без ответов.

«Разберусь потом», — подумала она. Взяла нож. Начала резать тесто на куски. Раз. Два. Три. Ритм — вот что важно. Ритм и работа. Остальное — потом.

Она отрезала кусок, бросила на доску. Ещё один. Ещё. Движения стали автоматическими. Мысли — тоже.

«Рома. Михаил. Эмир. Кто из них правда на моей стороне? А может, ни один? Или все против меня?»

Нож стучал по доске. Ритм. Раз. Два. Три.

Глава 4. Цепи внутри

Флэшбек. Квартира Анны и Ромы, ещё до окончательного разрыва

Она научилась не спорить. Не потому, что боялась — потому что знала: каждое «нет» будет стоить ей нового синяка, нового унижения, новой порции его «любви». Рома любил её. Он повторял это каждый вечер, особенно после того, как бил.

— Ты моя, — шептал он, сидя на диване, пока она убирала осколки разбитой вазы. — Никто не посмеет на тебя даже смотреть. Поняла?

Она не отвечала. Потому что если ответишь — начнётся крик. А если начнётся крик — потом придётся лежать на полу и считать удары.

— Я сказал — поняла? — Он подошёл, схватил за подбородок, заставил смотреть в глаза. — Ты — моя вещь. Вещь не имеет права улыбаться кому попало. Не имеет права говорить с соседями. Не имеет права выходить без спроса.

Она кивнула. Он отпустил, усмехнулся.

— Умница. Приготовь ужин.

Анна двинулась на кухню, стараясь не хромать — вчерашняя «воспитательная беседа» оставила след на бедре. Взгляд скользнул по зеркалу в прихожей: бледное лицо, тёмные круги под глазами, прядь волос, выбившаяся из пучка, будто пыталась вырваться на свободу.

Иногда он играл в другие игры. Звонил ей среди ночи, молчал в трубку, а потом шептал: «Я знаю, где ты. Я всегда знаю». Она просыпалась в холодном поту, смотрела на телефон, боялась, что он действительно стоит за дверью.

Он отключил ей интернет, чтобы она не могла «изменять с незнакомцами». Забрал ключи от квартиры — возвращал, только когда сам уходил на работу. Проверял её телефон, её сумку, её ежедневник. Однажды вырвал страницу, где она написала номер телефона подруги детства.

— Кто это? — спросил он, прижигая сигаретой её руку. Она закричала — он зажал ей рот. — Кто это, я спрашиваю?

— Никто, — прошептала она сквозь слёзы. — Старая знакомая.

— Знакомые нам не нужны. Только я.

Он выбросил ежедневник в мусоропровод. Анна смотрела вслед и думала: «Когда это кончится?» Но конец был не близко. Рома только начинал.

В тот вечер он был «добр». Принёс шоколадку — ту, которую она любила. Поставил на стол, погладил по голове, как собаку, заслужившую лакомство.

— Ну, не сердись, — примирительно сказал он. — Я же для твоего же блага. Ты же знаешь, как мир опасен. Без меня ты пропадёшь.

Она молча взяла шоколадку. Пальцы дрожали.

Самым страшным было не побои. Самым страшным было то, что она начинала верить. В его слова о том, что она ничтожество. Что без него умрёт. Что никто не захочет такую, как она — грязную, битую, сломанную.

Он повторял это каждый день, каждый час, каждую минуту. И однажды, глядя в зеркало на разбитые губы, она поняла: он прав. Она ни на что не годна. Никому не нужна.

«Может, я действительно заслуживаю этого?» — мелькнула мысль.

Он уловил этот взгляд — победный, торжествующий.

— Видишь? — улыбнулся он. — Ты начинаешь понимать.

Это была его главная победа. Не кулаки — слова. Они проникали глубже, въедались в душу, отравляли её изнутри. И даже после того, как она сбежала, этот яд остался. Всё ещё оставался.

Анна машинально потрогала шрам на запястье — след той сигареты. Рома не знал, что в тот день, когда он впервые поднял на неё руку, она начала планировать побег. Медленно, по крупице, собирая силы, деньги, контакты. Но тогда она ещё не верила, что сможет. Тогда она просто пыталась выжить.

За стеной хлопнула дверь — Рома вернулся с работы раньше обычного. Анна вздрогнула, её рука сама собой потянулась к синяку под рукавом. Она глубоко вздохнула, расправила плечи и пошла встречать его — с покорной улыбкой, которую так хорошо научилась надевать, как ещё одно платье, ещё одну маску.

Глава 5. Тень и первый звонок

Анна вышла из пекарни. Город уже всю мигал вывесками — красные, синие, зелёные пятна плясали на мокром асфальте. Она поёжилась. Не от холода. От того, как эти огни липнули к коже, будто пытались её пометить. В руке сумка — тяжёлая, будто в ней не телефон с номером Михаила, а гиря.

Шла быстро. Почти перебегала от фонаря к фонарю. Воздух вонял — бензин, прогорклое масло из ларька, где жарили шаурму, ещё какой-то химический запах, будто кто-то пролил растворитель. Вывески над головой кричали: «Любовь!», «Счастье!», «Успех!» — как будто специально, чтобы напомнить: это не про тебя. Анна втянула голову в плечи и уставилась в асфальт. Смотреть по сторонам — плохая примета. Один взгляд — и тебя уже ведут за локоть в тёмный двор. Она знала. Проходила.

Улочка к дому — узкий проулок между домами. Фонари здесь горели через один, и тени лежали так густо, что в них можно было утонуть. Анна ускорила. Всегда тут ускорялась. И вдруг остановилась.

Шаги сзади. Не её. Чужие. Тяжёлые. Двое. Может, трое. Она не оборачивалась — нельзя. Показать страх — значит подставить шею.

— Куда спешишь, красавица? — голос из темноты, хриплый, будто горло песком засыпало.

Анна дёрнулась вперёд. Но они оказались быстрее. Две фигуры выросли перед ней — высокие, широкие, в капюшонах. Лица не видно, но она знала: ухмыляются.

— Рома Ковалёв передаёт привет, — первый шагнул ближе. Говорил медленно, растягивая слова, будто пробовал их на вкус. — Говорит, чтоб ты не лезла куда не надо. И чтоб не водилась с теми, кто тебе не пара.

— А то твой начальник, этот пекарь, вдруг останется без пекарни, — подхватил второй. — Или ещё чего похуже.

Пекарня. Эмир. В животе что-то оборвалось. Они знали. Знали, где она работает. Кто ей дорог. Удар точно в цель. Рома всегда бил точно.

— Мы просто напоминаем, — первый подошёл ещё ближе, так, что она уловила запах пота и дешёвого одеколona, — что у каждой бабы есть своё место. Твоё — не рядом с такими, как Державин. Поняла? А то будет больно. И не только тебе.

Анна попятилась, пока не упёрлась лопатками в стену. Захотелось заорать, но голос застрял где-то в горле. Тело вспомнило: его руки на плечах, его кулак у виска, его дыхание — горячее, злое. Она сжалась, втянула голову, зажмурилась. Ждала удара. Всегда приходил.

И тут — вой сирены. Не полицейской. Скорой. Звук рванул тишину, будто кто-то полоснул ножом по плёнке. Луч света метнулся по стене, ослепил одного из мужчин. Они обернулись. В тот же миг с другой стороны грохнул мусорный бак. Кто-то охнул, осел. Второй дёрнулся — и исчез в темноте переулка. Оттуда — глухие удары, сдавленный стон.

Тишина. Сирена удалялась. Улица снова пустая. Только мусор на мостовой, банка из-под пива покатила куда-то, звякнула о бордюр. И запах страха — её собственный, кислый, липкий.

Анна стояла, не дыша. Поняла: это не случайность. Это он. Михаил. Его люди. Она не одна. И это пугало больше, чем Рома. Потому что от Ромы она знала, чего ждать. От этого — нет.

Достала телефон. Пальцы плясали. Набрала номер. Гудок. Ещё один.

— Алло, — голос Михаила ровный, будто он и правда ждал.

— Это Анна, — она прокашлялась. Голос сел. — Они... они пришли. Люди Ромы. Угрожали пекарне. Эмиру. Я...

— Я знаю, — перебил он спокойно. — Вы в безопасности. Они больше не беспокоят.

— Откуда вы... как вы узнали?

— В этом городе мало что ускользает от меня. Вы под моей защитой, Анна. С вами ничего не случится. Пока я этого не допущу.

Слова как сталь. И как мёд. Она кивнула, хотя он не видел.

— Завтра утром за вами придёт машина. Отвезёт на работу. И заберёт. Это не обсуждается.

— Но я...

— Хорошо, — сказала она. Потому что спорить с ним — всё равно что спорить с цунами.

— До завтра, Анна.

Короткие гудки.

Она опустила руку. Смотрела на мокрый асфальт, на отражение неона в лужах. В голове — пустота. Только одна мысль: «Я сменила цепь на поводок. Просто поводок из кожи и хороших слов».

Ночью она не спала. Лежала с открытыми глазами, слушала, как дом дышит трещинами и скрипами. Каждый шорох казался шагом. Каждый шаг — Ромой. А потом сквозь страх пробился другой образ — Михаил. Не лицо — тень. Огромная, спокойная, холодная. Она не знала, что хуже — тишина перед ударом или тишина перед обещанием.

Под утро ей приснилась пекарня в огне. Эмир с обожжёнными руками тянулся к ней, но она не могла дотянуться. А за спиной стоял Рома и улыбался. Потом из пламени вышел Михаил — высокий, в тёмном костюме, даже не запачканный сажей. Протянул руку. Она хотела взять её, но проснулась.

Серый рассвет застрял в окне, как рыба в сети. Часы показывали 6:30. Она встала, оделась, выпила воду. В зеркале — чужая женщина: бледная, с синяками под глазами, с руками, которые до сих пор помнили, как хрустят пальцы под ботинком.

«Через полчаса — машина».

Она знала: выбора нет. Но почему-то сегодня это не пугало. Только утомляло. И где-то на дне, там, где кончается усталость, теплилась слабая, глупая надежда: а вдруг этот тюремщик не будет бить? Или будет бить по-другому?

За окном начинался новый день — с запахом гари, бензина и чужих обещаний. А внизу, у подъезда, уже ждала чёрная машина. Бесшумная. Терпеливая. Как удав.

Глава 6. Золотая клетка

Анна стояла у подъезда уже в 6:58. Застыла у козырька, переминаясь с ноги на ногу. Пальцы непроизвольно теребили край куртки — привычка, оставшаяся после Ромы: когда нервничала, нужно было чем-то занять руки.

Чёрная машина ждала. Не какая-то там, а бронированный седан с тонировкой — будто из фильма про спецслужбы. Дверь щёлкнула и отъехала в сторону сама. Или водитель нажал кнопку — Анна не стала смотреть. Просто шагнула внутрь, стараясь не задеть порог.

Салон пах кожей и чем-то химическим — не то кондиционер, не то пропитка. Сиденья мягкие, слишком мягкие. Она села, вжалась в угол. Водитель — крепкий, коротко стриженный — бросил взгляд в зеркало. Кивнул. Ни слова. Ни улыбки.

Машина тронулась почти без звука.

За окном поплыли улицы. Вместо привычных обшарпанных домов — широкие проспекты, клумбы с цветами, небоскрёбы, сверкающие на солнце. Анна отвернулась. Ей было не до красоты. В голове крутилось: «Кто он, этот Михаил? Спаситель? Или новый тюремщик?»

Рома бил кулаками — больно, грубо, предсказуемо. Этот давит другим — заботой, деньгами, защитой. Но давит. И от этого давление не легче. Когда быют — знаешь, кто враг. Когда оберегают — не знаешь, кто ты.

Она закрыла глаза. Машина качнулась на повороте, и Анна невольно ухватилась за ручку. Пальцы дрожали.

Пекарня встретила запахом хлеба — тёплым, родным. Эмир стоял у стола, месил тесто. Услышал шаги, поднял голову. Посмотрел на Анну, на её куртку, которую она так и не сняла. — Опять в этой машине? — спросил он тихо.

— Да, — она села на стул, уставилась в пол. — Он сказал, это для безопасности.

— Безопасности? — Эмир вытер руки о фартук. Усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Ты знаешь, чем отличается клетка от клетки? Только ценой. Золотая — не значит добрая.

— Я знаю, — Анна подняла глаза. — Но вчера люди Ромы угрожали пекарне. Тебе. Если бы не он...

— Если бы не он, ты бы справилась, — Эмир сел напротив, положил руки на стол — сильные, в муке. — Я не мальчик, Анна. Я воевал. И меня не так легко испугать.

— Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня, — голос дрогнул.

— Ты не виновата, что на тебя охотится маньяк, — он помолчал. — Ты видела его? Державина?

— Нет. Только машину.

— Он не просто бизнесмен, — Эмир понизил голос. — Он из тех, кто дёргает нитки. Такие не появляются просто так. У него на тебя виды, Анна. И я не знаю, какие.

Анна хотела сказать, что ей всё равно, что любая защита лучше, чем кулаки Ромы. Но не сказала. Потому что знала: Эмир прав. И потому что в глубине души ей было не всё равно. Ей хотелось увидеть Михаила снова. Услышать его голос. Тот самый, спокойный, который сказал: «Вы под моей защитой».

— Я буду осторожна, — пообещала она.

— Осторожность не помешает, — Эмир встал, вернулся к тесту. — Но помни: если захочешь уйти — уходи. Я помогу. Даже от Державина.

День тянулся медленно. Анна работала на автомате: месила, раскатывала, ставила в печь. Запах выпечки, обычно успокаивающий, сегодня раздражал. Слишком сладкий. Слишком навязчивый. Как забота Михаила. Как его цветы.

Белые лилии стояли в банке у окна. Лепестки чуть подвяли, один уже опал на подоконник. Она поймала себя на том, что смотрит на них и думает: «А что, если он действительно другой?» Но тут же одёрнула себя. Рома тоже был другим — в начале. Цветы, улыбки, обещания. А потом — кулаки, пол, кровь.

— Не ведись, — прошептала она себе. — Не ведись.

Но сердце уже велось.

Вечером, когда пекарня закрылась, машина снова ждала. Та же, чёрная, бесшумная. Анна села, не глядя на водителя. И только когда дверь захлопнулась, поняла: на заднем сиденье кто-то есть.

Она вздрогнула, обернулась.

Михаил. Сидел в углу, спокойный. В тёмном костюме, с лёгкой щетиной на лице. Глаза — тёмные, глубокие, в них не было ни угрозы, ни насмешки. Только усталость. И что-то ещё — такое, от чего у неё перехватило дыхание.

— Добрый вечер, Анна, — голос тихий, почти мягкий. — Не бойтесь. Я просто хотел убедиться, что вы в порядке.

— Я... я в порядке, — выдавила она.

— Не похоже, — он внимательно посмотрел на неё. — Вы не спали. Опять кошмары?

Она промолчала. Не хотела говорить о Роме, о той квартире, о том, что каждый раз, когда закрывает глаза, видит его лицо.

— Рома больше не тронет вас, — сказал Михаил. — Я обещаю.

— Вы не можете этого обещать, — Анна почувствовала, как злость поднимается из груди. — Вы его не знаете. Он везде. Он найдёт.

— Пусть найдёт, — Михаил подался вперёд, и в его глазах что-то сверкнуло. — Я буду ждать.

Она смотрела на него, не понимая. Ждать? Чего? Когда Рома придёт? Или когда она сама позовёт?

— Зачем вы это делаете? — спросила она тихо. — Зачем вам всё это? Я никто. Работница пекарни. У меня нет денег, нет связей. Я даже документы почти потеряла.

— Вы — не никто, — он произнёс это так просто, будто говорил о погоде. — Вы женщина, которую кто-то обидел. И я не люблю, когда обижают слабых.

— Я не слабая, — огрызнулась она.

Михаил чуть улыбнулся. Первая улыбка, которую она у него видела. Не насмешливая, не снисходительная — грустная.

— Знаю. Слабые не выживают с такими, как Рома, — он помолчал. — Но даже сильным иногда нужна помощь. Просто рука, на которую можно опереться.

Анна хотела сказать, что не просила его руки. Но не сказала. Потому что впервые за много лет ей захотелось на неё опереться.

Машина остановилась у её дома.

— Завтра машина будет в семь, — сказал Михаил. — Спокойной ночи, Анна.

Она вышла, не оглядываясь. Слышала, как седан отъезжает, и чувствовала, как что-то тёплое разливается в груди. Надежда. Глупая, опасная надежда.

Вошла в подъезд, поднялась по лестнице. Включила свет в квартире. Пустота встретила её привычным холодом. Только на столе лежала записка — от Эмира, вложенная в книгу. «Позвони, если что». А рядом — белая лилия. Одна.

Она взяла цветок. Поднесла к лицу, вдохнула запах. И подумала: «Может, эта клетка и правда золотая. И ключ от неё — у него».

Но вслух не сказала. Только легла на диван, укрылась пледом и долго смотрела в потолок, пока сон не пришёл — без кошмаров, но и без покоя.

Глава 7. Эскалация

Анна стояла у подъезда, глядя на часы. Без пяти семь. Чёрный седан уже ждал — прижался к бордюру, будто присосался. Водитель — тот же молчаливый мужчина с короткой стрижкой — открыл дверь до того, как она подошла.

Она села, вжалась в угол сиденья. Салон по-прежнему пах кожей и химией. Анна невольно втянула носом воздух: «Кондиционер? Пропитка? Отмывка для богачей?»

Машина тронулась. За окном поплыли проспекты — широкие, чистые, с клумбами, где цветы стояли ровными рядами, как солдаты на параде. Анна отвернулась к окну. Город казался игрушечным: небоскрёбы блестели, парки зеленели, люди шли — улыбались, смеялись, несли

кофе в бумажных стаканчиках. «Как в рекламе», — подумала она. — «Только я не в рекламе. Я в клетке. Золотой. И ключ у кого-то в кармане».

Каждый день одно и то же: пятнадцать минут вместо сорока, тишина вместо городского гула, иллюзия вместо реальности. Михаил больше не появлялся на заднем сиденье. Только голос по телефону — ровный, спокойный, будто записанный на автоответчик:

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

— Люди рядом?

— Да.

— Не бойтесь.

Два дня назад он вдруг спросил:

— Вы любите кофе? Я запомнил: карамельный латте.

Сердце тогда пропустило удар. Она бросила трубку, не ответив. А потом всю ночь крутила эту фразу в голове, как пластинку с заеданием. «Запомнил? Зачем? Что ему нужно?»

В пекарне было тихо. Эмир больше не шутил, не спрашивал, как дела. Кивал, давал указания, проверял выпечку — но улыбался только клиентам. Анна чувствовала себя виноватой. И одновременно — злой. «Я не выбирала это! Я просто пытаюсь выжить!» — хотелось крикнуть ей. Но она молчала.

Однажды, когда они остались вдвоём, Эмир вдруг остановился у стола, положил скалку и посмотрел прямо на неё:

— Ты на него работаешь?

— Нет, — Анна замесила тесто с такой силой, что стол закрипел.

— А кто ты ему?

— Никто.

— Вот и я о том же, — он взял скалку, начал раскатывать тесто. Движения были резкими, неритмичными. — Люди, которые дают тебе машину с шофёром, просто так ничего не делают. Ты ему нужна, Анна. И мне страшно — для чего.

Она не ответила. Потому что сама не знала ответа. Но где-то внутри, в тёмном углу души, пряталась мысль: «А что, если он видит во мне не инструмент? Не пешку? А... женщину?» Мысль была опасной, почти запретной, но она не уходила.

Рома Ковалёв сидел в своём кабинете, сжимая бокал с виски. На экране ноутбука — графики, цифры, красные стрелки вниз. Акции падали. Контракты рвались. Деньги утекали, как вода сквозь пальцы.

— Какого хрена он о себе возомнил? — Рома швырнул бокал в стену. Осколки разлетелись, на обоях осталось тёмное пятно.

Вероника сидела в кресле, поджав губы. Боялась его — всегда боялась. Но сейчас к страху примешивалось что-то ещё. Унижение. Злость. И странная, колючая зависть.

— Может, тебе стоит остыть? — сказала она осторожно.

— Остыть? — Он подскочил, схватил её за подбородок. — Ты на чьей стороне, сука?

— На твоей, Рома, конечно на твоей, — голос дрожал, но она улыбнулась — той самой улыбкой, которую он требовал.

— Помоги, — он отпустил её, повернулся к столу. — Найди что-нибудь на Державина. Любую грязь. Общую любовницу, подставные фирмы, давние долги. Он не может быть чистым. И верни мне эту девку. Анну. Она мой козырь.

Вероника кивнула. Внутри всё кипело. Она помнила Анну — ту самую, которую Рома когда-то чуть не убил. И помнила, как смотрел на неё Державин. Не как на вещь. Как на человека. Вероника завидовала. Белой, холодной завистью, от которой хотелось плакать по ночам.

Она вышла из кабинета, достала телефон. Набрала номер Олега — того самого, кто работал на Державина, но, по слухам, был не против заработать лишнее.

— Олег, встретимся. У меня есть для тебя предложение.

Михаил Державин стоял у окна, глядя на город внизу. Огни переливались, мигали, складывались в узоры. Где-то там, в маленькой пекарне, работала Анна. Он думал о ней чаще, чем хотел признать.

Игорь и Дмитрий сидели за столом, ждали распоряжений.

— Ковалёв начал дёргаться, — сказал Игорь. — Сегодня он встречался с какими-то людьми из криминальных кругов. Скорее всего, ищет грязь на вас.

— Пусть ищет, — усмехнулся Дмитрий. — У нас всё чисто.

— Ничего не бывает чисто, — Михаил повернулся к ним. — Рано или поздно он найдёт что-то. Или придумает. Нам нужно опередить его.

Он провёл рукой по лицу. Усталость давила на плечи.

— Вы с ней говорили, — заметил Дмитрий. — После того раза в машине. Она изменилась?

— Не знаю, — Михаил помолчал. — Она боится. И правильно делает. Я ей не доверяю. Но я... я хочу, чтобы она перестала бояться. Меня. И Рому.

— Это опасно, — тихо сказал Игорь. — Привязываться к объекту защиты.

— Я знаю, — Михаил усмехнулся. — Но иногда самое опасное — это не жить вовсе.

Утром Анна снова села в машину. Водитель, как обычно, молчал. Но сегодня он вдруг повернулся:

— Михаил Сергеевич просил передать, — и протянул ей маленькую коробочку, перевязанную лентой.

Она открыла дрожащими руками. Внутри лежала книга. Старая, потрёпанная, с пожелтевшими страницами. «Грозовой перевал». Анна замерла. Она читала эту книгу в детстве, в той, другой жизни, когда мать была жива и отец не ушёл.

На титульном листе — записка, выведенная твёрдым почерком:

«Вы говорили, что любите истории, где страсть сильнее разума. Я надеюсь, это не про нас. М.Д.»

Анна сжала книгу в руках. В груди разливалось тепло — такое забытое, такое опасное. Она знала, что не должна читать. Что это — ещё одна нить, ещё один поводок. Но пальцы сами перелистнули страницу.

Вечером, вернувшись домой, она долго сидела у окна с книгой в руках. Не читала — смотрела на огни города. И думала. О нём. О его голосе. О его обещаниях. О том, что, возможно, не все мужчины — монстры. Или все, но этот хотя бы не бьёт.

Она достала телефон. Набрала его номер. Не позвонила — просто смотрела на экран. А потом написала сообщение:

«Спасибо за книгу. Я помню её. А вы помните, что там в конце?»

Ответ пришёл через минуту:

«В конце она выживает. Но не благодаря силе — благодаря любви. Спокойной ночи, Анна».

Она не спала до трёх. Перечитывала его сообщение снова и снова. И чувствовала, как внутри, под слоями страха и боли, прорастает что-то новое. Хрупкое. Зелёное. Не убитое ещё.

Глава 8. Нарушение периметра

Анна захлопнула дверь — слишком громко. Отскочила, будто звук мог её ударить. Книга в руке — «Грозовой перевал» — чуть не упала. Она прижала её к груди, потом всё-таки положила на стол. Рядом — лилии. Одна уже завяла, лепесток отвалился, лежит криво.

На кухне чайник засвистел — резко, противно. Анна дёрнулась, выключила газ. Руки дрожали — не так, как обычно, а мелко, непрерывно. Заварила чай. Ромашка. Опять ромашка. Больше ничего нет.

Села на диван, подтянула колени. Открыла книгу на первой странице. Буквы прыгали. Она закрыла глаза, потом снова посмотрела — то же самое. Не читается.

Сквозняк. Холод вдоль шеи. Она замерла. Повернула голову. Окно в спальне приоткрыто — на сантиметр, может, два. Она точно его закрывала. Точно.

Встала. Нож со стола схватила — не раздумывая. Тупой, зазубренный, с пятном от вчерашнего теста. Пальцы скользнули по ручке. Перехватила покрепче. Шагнула к спальне. Пол скрипнул — громко, предательски.

— Ну наконец-то, — голос из темноты.

Из спальни вышла Вероника. Слишком яркая для этой комнаты: помада, тени, платье в обтяжку. В руке что-то блеснуло. Шприц. Игла ловит свет уличного фонаря.

— Твой защитник, похоже, не так уж хорошо тебя защищает, — Вероника улыбнулась. Губы дрогнули, улыбка вышла кривая, как будто её заставили.

— Как ты вошла? — Анна сжала нож. Ручка скользкая. Пот.

— У меня везде есть ключи, — Вероника сделала шаг вперёд. Каблук стукнул о пол. Слишком громко. Она сама вздрогнула. — Рома передаёт привет. И предупреждение: Державин скоро пожалеет, что тобой заинтересовался. А ты станешь тем, что напомним ему об этом.

Анна попятилась. В голове пусто. Только мысль, глухая, тупая: «Где Михаил? Видит ли он это?»

— Не бойся, — Вероника приближалась. Шприц покачивался в её руке. — Это не смертельно. Просто немного замедлит тебя.

— Зачем ты это делаешь? — Анна упёрлась спиной в стену. Дальше некуда. — Он же тебя не любит. Ты для него — вещь.

Вероника замерла. На мгновение маска соскользнула — в глазах что-то мелькнуло: боль, злость, отчаяние. Она моргнула, и всё исчезло.

— Заткнись, — прошипела она. — Ты ничего не знаешь.

Выпад. Игла полоснула по руке. Жгучая боль. Анна закричала — резко, коротко.

Дверь вылетела с грохотом. Двое в чёрном ворвались внутрь, скрутили Веронику, выбили шприц. Она завизжала, забилась, но её прижали к полу.

— Вы ранены? — охранник повернулся к Анне.

Кровь сочилась тонкой струйкой. Но боль была не в руке. В груди — тяжесть, давящая, знакомая. Опять кто-то её спасает. Опять она стоит и ждёт.

— Я в порядке, — сказала Анна. Голос прозвучал глухо, будто не её.

Охранник подобрал шприц, протянул Михаилу. Тот взял, повертел в пальцах, сунул в пакет.

— Опасность миновала, — доложил охранник. — Она не успела ничего сделать. Только царапина.

Михаил посмотрел на Анну. На дрожащие руки, бледное лицо, кровь на рукаве.

— Повезло, — сказал он. — Очень повезло.

Он подошёл, взял её за плечи. Пальцы сильные, но не сжимают — держат.

— Вставай. Ты не можешь здесь оставаться.

— Куда?

— Ко мне. В безопасное место.

Анна посмотрела на его руку. Потом на лицо — усталое, напряжённое. Никаких красивых фраз. Никаких многозначительных пауз. Просто усталость и какая-то твёрдость.

— Я не хочу быть вещью, — сказала она. — Ничьей.

Михаил опустил на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Ты не будешь вещью, — произнёс он. — Я не Рома. Но сейчас ты в опасности. Доверься мне.

Она смотрела в его глаза. Тёмные, серьёзные. Никаких искр, никаких откровений. Просто человек.

— Хорошо, — выдохнула Анна. — Я поеду.

Он помог ей подняться. Её рука легла в его ладонь. Что-то дрогнуло внутри — не надежда, не страх. Что-то другое. Неопределённое.

— Идём, — сказал Михаил. Он не отпустил её руку.

Внизу ждала машина. Анна села внутрь. Рядом — Михаил. Он молчал, только держал её за руку.

Она закрыла глаза, прислонилась головой к стеклу. Куда она едет? В пропасть? К спасению? Не знала. Но чувствовала: что-то меняется. Не красиво, не романтично — просто меняется.

Глава 9. План мести и неожиданная сила

Вероника влетела в убежище Ромы — резко, рывком, будто её толкнули в спину. Платье порвано на плече, на боку. Щека кровоточит — тонкая струйка сползает к подбородку. Она тяжело дышала, кулаки сжаты так, что ногти впились в ладони.

Рома сидел в кресле, попивал коньяк. Поднял глаза. Задержал взгляд на царапине. Вместо злости на лице — улыбка. Холодная, собственническая.

— Неудачно, значит? — бросил он, не поднимаясь.

— Она была не одна, — Вероника скинула туфли — одна улетела в сторону, вторая осталась у ноги. Босиком прошла по ковру, оставляя на ворсе красные точки. — Эти чёртовы охранники Державина появились через секунду.

— Но ты вошла. Оставила послание.

— Я поцарапала её. Иглой. Жидкость не попала — они помешали. — Она сглотнула, провела языком по пересохшим губам.

Рома поставил бокал — слишком резко, стекло звякнуло о стол. Встал. Подошёл. Провел пальцем по её щеке, стирая кровь. Вероника вздрогнула, отшатнулась, но он уже схватил её за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Ты умница, — тихо, почти шёпотом. — Справилась. Державин теперь в бешенстве. А это — уже победа.

Она замерла. В груди что-то сжалось — то ли страх, то ли странное облегчение.

— Ты не злишься? — спросила, не веря.

— Злюсь. Но не на тебя. — Он чуть сжал пальцы. — Ты — моя лучшая игрушка. И я не собираюсь тебя терять. Державин... он ещё заплатит. — Пауза. Его взгляд скользнул по её шее, ключицам. — А пока... пока ты заслужила награду.

Его пальцы скользнули по шее, к вырезу платья. Вероника не отстранилась. Знала, что будет дальше. Хотела? Или просто делала вид? В голове мелькнуло: «Опять...»

— Иди сюда, — прошептал он, разворачивая её спиной к себе.

Задрал подол. Вероника упёрлась руками в спинку кресла. Дыхание на шее — горячее, прерывистое.

— Ты хочешь этого? — спросил он, хотя ответ его не волновал.

— Да, — выдохнула она. Потому что должна была.

Он вошёл резко, без подготовки. Вероника застонала — скорее от боли, чем от удовольствия. Сжала подлокотники так, что побелели костяшки.

Движения быстрые, ритмичные. Как тренировка. Механические. Без страсти. Для него — сброс напряжения. Подтверждение власти. Напоминание: она — вещь. Полезная, но вещь.

Она кусала губы, чтобы не закричать. В голове крутилось: «Сколько ещё? Когда это кончится?» Знала — не кончится. Всегда Рома. Всегда боль. Изредка — крупницы похвалы. За них — на всё.

Глухой рык. Он кончил. Отстранился. Поправил штаны, будто ничего не произошло.

— Молодец, — бросил, не глядя. — Теперь делом. Детектив нашёл зацепки. У Державина были грязные дела в прошлом. Связанные с женой.

Вероника медленно выпрямилась. Ноги дрожали — она оперлась о кресло. Поправила платье, провела рукой по волосам. Заставила себя улыбнуться. Кривовато, но — улыбнулась.

— Что именно?

— Её смерть. Слишком чисто всё. Никаких следов, никаких свидетелей. Как будто кто-то подмёл за собой. Найди мне что-нибудь, Вероника. Любую ниточку. Я хочу уничтожить его репутацию. А заодно — и его самого.

— Будет сделано, — сказала она, пряча глаза.

Он подошёл. Поцеловал в лоб — сухо, собственнически.

— Ты у меня умница. Иди.

Вероника вышла, прижимая к груди порванное платье. В коридоре остановилась. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. Внутри всё кипело — стыд, унижение, желание когда-нибудь сказать ему «нет». Но она не могла. Потому что «нет» означало смерть. Или что хуже — изгнание. А без Ромы она никто.

Достала телефон. Набрала Олега. Пальцы дрожали, но голос прозвучал ровно:

— Олег, встречаемся. У меня есть для тебя работа. И помни — если проболтаешься, я найду способ сделать так, чтобы ты пожалел.

Отключилась. Посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Красивая. Молодая. Живая. И мёртвая внутри.

Глава 10. Исповедь в «Элизиуме»

Они ехали молча. Анна сжимала руку Михаила — до боли, до побеления костяшек. За окном мелькали огни, сливались в полосы. Она не видела их. Перед глазами всё ещё стояла Вероника: её улыбка — слишком широкая, будто приклеенная, — шприц в тонких пальцах. Укол. Коротко, резко.

Машина остановилась. Михаил осторожно высвободил руку. Анна почувствовала холод — будто из салона выкачали весь воздух. Пальцы сразу онемели.

— Выходи, — бросил он коротко. — Мы на месте.

Она подняла голову. Вместо привычного подъезда — высотное здание: стекло и металл, острые углы. ОТЕЛЬ. Дорогой. Неоновые вывески мигали над входом. Одна буква «О» в слове «ОТЕЛЬ» не горела. Анна заметила это и почему-то запомнила.

Михаил провёл её внутрь. Портье скользнул по ним взглядом — безразлично — и тут же отвернулся к монитору. Вип-лифт, ключ-карта, тишина. В лифте пахло дезинфекцией и чем-то сладким. Анна поймала себя на мысли: «Кто-то пролил газировку...»

Номер оказался огромным. Панорамные окна, кровать, на которой можно было растянуться в полный рост, мраморная ванная. По углам — белые розы в хрустальных вазах. Слишком много белого. Слишком чисто. Будто никто никогда тут не жил. Анна подошла к подоконнику, провела пальцем по едва заметному круглому отпечатку. След от бокала? Или просто пыль стёрли?

— Здесь ты будешь в безопасности, — сказал Михаил. — Охрана круглосуточно. Никто не войдёт.

— Спасибо, — выдохнула Анна. Опустилась на край дивана, обхватила себя руками. Дрожь не проходила. Зубы непроизвольно стучали. Она пыталась унять их, прикусив губу.

Михаил стоял у окна, спиной к ней. Долго молчал. Слишком долго. Потом повернулся. В глазах — не сталь, как обычно, а что-то другое. Что-то, чего она не могла разобрать.

— Завтра мы поговорим, — произнёс он. — По-настоящему. Я хочу знать всё о тебе и Роме. Не из отчётов — от тебя. А сейчас отдыхай.

Он ушёл. Анна осталась одна. Сидела, не двигаясь, пока не затекла спина. Встала, разделась, залезла под душ. Горячая вода стекала по телу. Она смотрела, как красноватая вода уходит в слив, кружится воронкой — и думала: «Сколько ещё?» Ответа не было. Только шум воды.

Утром её разбудил резкий стук в дверь. Анна вздрогнула, села на кровати. Огляделась: чужая спальня, запах лаванды от постельного белья, солнечные лучи на полу, пылинки танцуют в них. Вспомнила.

— Войдите.

Вошёл Михаил. Без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. На предплечье — татуировка: какой-то символ, сложный, будто узел. Она не успела разглядеть — он уже поставил поднос с завтраком на стол. На подносе — две чашки, но одна чуть сколота по краю.

— Одевайся. Я жду внизу.

Анна накинула халат — мягкий, чужой, с запахом кондиционера. Позавтракала, глядя в окно. Город просыпался: серые здания, редкие прохожие, грузовик, грохочущий на повороте. Отсюда, с высоты, он казался меньше, дальше. Будто игрушечный. На одном из балконов сушилось бельё — красная рубашка, белые носки.

Кафе, куда он её привёз, было как сотни других: металл, стекло, голографические панели на стенах. Воздух пах кофе и чем-то химическим. За окном мигали неоновые вывески. Официантка споткнулась о ножку стула, выругалась себе под нос.

Михаил выбрал столик в углу. Анна села напротив. Пальцы дрожали — она спрятала их под стол, сжала в кулаки. Под столом кто-то написал на столешнице ручкой: «Здесь было скучно». Дата стёрлась, остались только последние цифры — «03.2023».

— Ты в порядке? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Но... короче... надеюсь, что скоро буду.

Он кивнул, подозвал официантку — молодую женщину с усталыми глазами и бледными губами. Та подошла, щёлкнула зажигалкой, подкурила сигарету, хотя в кафе курить было нельзя.

— Два карамельных латте, — сказал Михаил.

Анна удивилась. Он запомнил. Её заказ из того первого раза, когда они ещё не были знакомы. В груди что-то ёкнуло — коротко, больно.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Пауза затянулась. Анна смотрела на его руки — сильные, с тонкими шрамами на костяшках. Руки, которые могли и задушить, и защитить. На одном пальце — след от ожога, старый, белёсый.

— Рассказывай, — тихо сказал он. — О вас с Ромой. Всё.

Анна глубоко вдохнула, выдохнула. Поправила рукав халата.

— Мы поженились слишком молодыми, — начала она. — Мне было девятнадцать, ему — двадцать пять. Он казался другим. Внимательным, заботливым. Цветы, подарки, обещания... Я думала, это любовь. Настоящая.

Замолчала. В памяти всплыли картинки: рестораны с красными скатертями, его смех, запах духов. А потом — другое: крик, удар, пол под ногами — холодный, твёрдый. В ушах зазвучал его голос: «Ты что, думаешь, я дурак?»

— Первый раз он ударил меня через месяц после свадьбы, — её голос дрогнул. — Я задержалась в библиотеке. Он решил, что я с кем-то. Не слушал. Просто ударил. По лицу. Потом извинялся. Говорил, что любит, что испугался. Я поверила.

Михаил молчал, смотрел внимательно.

— И дальше было только хуже, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Да, — Анна сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. — Каждый раз — сильнее. Он ревновал меня ко всему: к прохожим, к отражению в витрине. Если я улыбалась кому-то — это был повод для крика. Если не улыбалась — повод для подозрений. Я пыталась уйти три раза. Он находил, угрожал. Говорил, что убьёт. И я верила. Потому что он мог.

Официантка принесла кофе. Анна взяла чашку, грела о неё руки. Палец на краю чашки дрожал — она пыталась это скрыть.

— Последний раз... — она помолчала, сглотнула. — Он избил меня так, что я три дня не могла встать. Рёбра сломаны, сотрясение. Врач сказал: ещё немного — и всё. Тогда я ушла. В чём была. На улицу. К чужим людям.

— Эмир подобрал тебя, — сказал Михаил.

— Да. Дал работу, кров, имя. Не лез в душу. Просто был рядом.

Михаил помолчал. Взял её руку — осторожно, будто она могла рассыпаться.

— Он больше никогда к тебе не прикоснётся, — сказал. — Я обещаю.

— Ты не можешь этого обещать, — ответила Анна и впервые сказала ему «ты». Он заметил — уголок губ чуть дёрнулся.

— Могу, — его пальцы сжались чуть сильнее. — Ты не знаешь меня, Анна. Но я своё слово держу.

Она смотрела на их сплетённые руки. В этом было что-то пугающее — и в то же время правильное.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила она прямо.

— Пока — только одного, — он отпустил её руку, откинулся на спинку стула. — Чтобы ты осталась в живых. А дальше... видно будет.

— А если я не хочу быть чьей-то собственностью?

— Я не предлагаю тебе становиться собственностью.

— А что ты предлагаешь?

Он посмотрел на неё. В глазах — усталость и что-то ещё, чего она не могла назвать.

— Передышку, — сказал он. — Время понять, кто ты без страха. А потом — решать. Идти одной... или позволить кому-то быть рядом.

Анна не ответила. Смотрела на остывающий кофе. Думала о Роме, который начинал с цветов, а закончил иглой. О Михаиле, который начал с угроз, а теперь держал её за руку. И о том, что где-то внутри, под слоями боли, ещё живёт надежда. Глупая, упрямая.

— Я подумаю, — сказала она наконец.

— У нас есть время, — ответил он.

Он сделал знак официантке, попросил счёт. Анна хотела спросить о его жене, но промолчала. Решила — потом. Или никогда.

— Я тоже кое-что потерял, — вдруг сказал Михаил. — Не просто жену. Себя. В какой-то момент я понял, что стал тем, кого раньше ненавидел. И уже не знал, как вернуться.

Анна кивнула, не поднимая глаз. Поправила рукав — шрам на запястье чуть заныл, будто напоминал: «Смотри не ошибись».

— И вернулся? — тихо спросила она.

— Не знаю, — он усмехнулся. Усмешка вышла кривой, без веселья. — Иногда кажется, что нет. А иногда... — он замолчал, постучал пальцами по столу. Три коротких удара. Пауза. Ещё два. — Иногда достаточно одного взгляда.

Он посмотрел на неё. Анна поймала этот взгляд — и вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не страх. Что-то другое.

Официантка принесла два маленьких блюда с мороженым. Сливочное, с ягодами. Поставила со стуком, бросила: «Приятного» — и отошла.

— Это от меня, — сказал Михаил. — Сладкое немного успокаивает.

Анна взяла ложечку. Мороженое было холодным, слишком сладким. Она съела пару ложек, потом остановилась. Смотрела, как тает шарик, образуя лужицу на блюде.

— Спасибо, — сказала она. — Не за мороженое.

— Понимаю, — кивнул он. — Пойдём. Тебе нужно отдохнуть.

Он помог ей подняться, коснулся локтя — коротко, почти случайно. Анна пошла рядом, чувствуя, как в кармане вибрирует телефон. Сообщение? Или просто сбой? Не стала проверять.

Глава 11. Пепел касаний

Вечером, после разговора в кафе, Михаил проводил Анну до номера. Остановился у двери, как всегда.

— Спокойной ночи.

— Подожди, — сказала она.

Он замер.

— Ты... не хочешь зайти? — спросила она, глядя в пол. Голос дрожал.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Хочу. Но только если ты сама этого хочешь. Без всяких «надо» и «положено».

Она подняла глаза. В его взгляде не было давления — только ожидание.

— Я хочу попробовать, — сказала она. — Бояться. Но попробовать.

Он вошёл, закрыл дверь. Они стояли друг напротив друга — она дрожала, он не двигался.

— Я не буду тебя трогать, пока ты не скажешь, — сказал он. — Можешь просто лечь рядом.

Она кивнула. Легла на кровать, не раздеваясь. Он лёг рядом, на спину, глядя в потолок. Молчали.

— Ты боишься, что я такой же, как он? — спросил Михаил.

— Да, — выдохнула она. — Боюсь.

— Я не сделаю тебе больно. Никогда.

— Все так говорят.

— Знаю. Но ты можешь уйти в любую секунду. Скажи «стоп» — и я остановлюсь. Даже если будет уже поздно.

Она повернулась к нему, посмотрела в глаза. И вдруг потянулась, поцеловала в щёку — неловко, коротко.

— Остайся, — прошептала она.

Он раздевал её медленно, как будто боялся разбить. Каждое касание — вопрос. Каждый взгляд — разрешение. Когда она напряглась, он отдернул руку.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да. Просто... вспомнилось.

— Не надо. Я подожду.

Она сама взяла его руку, положила себе на грудь. Сердце колотилось, но страх отступал — ровно настолько, чтобы позволить себе это.

Когда он вошёл в неё, было не больно. Он был нежен, медлителен, каждое движение — словно извинение за всех, кто причинял ей боль. Она смотрела на его лицо — сосредоточенное, почти испуганное — и чувствовала, как внутри что-то оттаивает.

После они лежали в темноте. Он обнимал её, гладил по волосам. Она не плакала — не было сил.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Она закрыла глаза. Впервые за долгое время ей не снились кошмары.

Глава 12. Переезд в крепость

Ночь в отеле прошла как в тумане. Анна лежала на огромной кровати, смотрела в потолок и не могла уснуть. Мысли крутились, путались. Слишком много «что, если». Что, если Михаил говорит правду? Что, если он действительно другой? И что, если она снова ошибается — и заплатит за это?

Она повернулась на бок, уткнулась лицом в подушку. Пахло кондиционером — при- торно, до тошноты. «Кто вообще так душит подушку? Будто целый флакон вылили...» Ей хоте-

лось домой — в свою маленькую квартиру, с облупившимися обоями и скрипучим диваном. Но дома было небезопасно. Вероника доказала это.

Под утро она провалилась в тревожную дремоту. Снился тот же кошмар: Рома, его кулаки, осколки на полу. А потом — Михаил. Он стоял в дверях, протягивал руку, но Анна не могла до неё дотянуться. Будто между ними — стена. Невидимая, но прочная.

— Просыпайтесь, — раздался голос. Резкий, деловой.

Анна открыла глаза. Над ней склонялась горничная с подносом. Завтрак: кофе, круасаны, фрукты. Она села, потёрла лицо — на щеке остался след от подушки.

— Михаил Сергеевич ждёт вас внизу через час.

— Угу, — пробормотала Анна, ещё толком не проснувшись. — Спасибо...

Переезд был быстрым, бесцеремонным и абсолютно подавляющим. Анну посадили в бронированный внедорожник с затемнёнными стёклами. Рядом — двое молчаливых охранников. Впереди и позади — такие же чёрные машины. Кортёж. Как у президента. Или у военного преступника.

Один из охранников нервно постукивал пальцами по колену. Второй что-то бормотал под нос — похоже, считал километраж или просто бубнил себе под нос какую-то песню. Анна поймала взгляд первого в зеркале заднего вида, он тут же отвернулся.

Она смотрела в окно, но не узнавала дорогу. Город остался позади, сменился лесом, потом — просёлочной дорогой. Красивые места, богатые. Чужие.

— Куда мы едем? — спросила она.

— В загородную резиденцию Михаила Сергеевича, — ответил один из охранников, не оборачиваясь.

Резиденция. Слово звучало как приговор.

Дорога заняла около часа. Внедорожник свернул на узкую асфальтированную аллею, обсаженную елями, и остановился перед огромными коваными воротами. Они бесшумно распахнулись. Анна увидела особняк из светлого камня — в три этажа, с колоннами и террасами. Вокруг — ухоженный сад, за ним — лес. Вдалеке блестело озеро.

«Ну и размах», — подумала она. Красиво. Дорого. И жутко.

Внутри её встретила тишина. Мраморные полы, хрустальные люстры, картины на стенах. Всё дышало богатством — и холодом. Анну провели на второй этаж, в апартаменты. Несколько комнат: спальня с панорамным видом, гостиная с камином, ванная с джакузи. Везде — живые цветы. Её чемодан уже стоял у кровати. Кто-то съездил в её квартиру и собрал вещи. Чужие руки трогали её бельё, её книги, её фотографии. От мысли стало тошно.

Она подошла к окну. Внизу — охранники, патрулирующие территорию. Один зевнул, прикрыв рот ладонью, другой поправил ремень кобуры и что-то сказал напарнику — они оба коротко рассмеялись. За воротами — ещё одна машина. Её не выпустят. Не спросят. Не дадут выбора.

— Золотая клетка, — прошептала она. — Только теперь с садом и фонтаном.

Михаил появился через час. Анна сидела в гостиной, сжимая чашку остывшего чая. Увидела его — и неожиданно почувствовала облегчение. Не от того, что он пришёл. От того, что она не одна.

— Как тебе здесь? — спросил он, останавливаясь у камина.

— Как в тюрьме, — ответила она честно. — Только с видом на озеро.

Он усмехнулся — беззлобно, даже грустно.

— Я понимаю. Но это временно. Рома активен, его люди ищут тебя. Здесь ты в безопасности.

— А если я не хочу быть в безопасности? — Она подняла на него глаза. — Если я хочу быть свободной?

— Свобода — понятие растяжимое. Иногда безопасность — это и есть свобода. Свобода от страха.

— Ты обещаешь, что страх пройдёт?

— Нет. — Он подошёл ближе, сел в кресло напротив. — Не обещаю. Но обещаю, что буду рядом, пока ты не научишься с ним жить.

Она смотрела на него долго, пристально. Искала ложь, притворство, расчёт. Не находила. И это пугало больше, чем угрозы Ромы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.